

ВТОРОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОБРАНИИ ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 22 ДЕКАБРЯ 1928 г.

Публикация А. В. Февральского

Федерация объединений советских писателей созвала 22 декабря 1928 г. общее собрание, на котором П. М. Керженцев, в то время заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), сделал доклад о политике партии в области художественной литературы. На этом собрании Маяковский выступал дважды. Первое выступление помещено в ПСС 1939, т. X, стр. 342—347. Второе выступление печатается здесь впервые по стенограмме (изобилующей пропусками и неясностями), которая хранится в Отделе рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (II, 70.225).

В диспуте, кроме Маяковского, приняли участие также: А. М. Эфрос, С. И. Канатчиков, А. А. Богданов, Б. А. Пильняк, А. А. Фадеев, Л. Л. Авербах и др.

Отчет об этом собрании был опубликован в газете «Вечерняя Москва» от 29 декабря 1928 г.

Я не думал ввязываться в эти прения ни разу, но последующие развернувшиеся разговоры, главным образом речь товарища Канатчикова, заставили меня выступить¹. Я изумлен, что у товарища Канатчикова в применении к советскому поэту не нашлось других слов, как «крыловские басни». Надо заметить, что если и бился лбом, то в ту стенку, которая дала возможность судить о пролетарской литературе. Поэтому в применении ко мне прошу от подобных эпитетов воздержаться.

Перейдем к разговору по существу. Тут было понимание тенденции к боковому прищипливанью, либо держать ведущую линию<?> Этого у меня не было и быть не могло. За то время, когда я работал в газетной прессе и журнальной, мне еще ни разу, несмотря на всю «симпатичность» Чемберленов, не позволили изобразить их так, как они есть. Я их рисовал по существу—с длинными носами и с моноклем даже в постели, хотя его и не носят. Я рисовал их с присущими им классовыми чертами.

То, что говорил товарищ Керженцев <?>², не есть марксизм. Это — воронщина³, проповедь отсутствия тенденциозности—раз. Общее... <пропуск в стенограмме> истин—два. Это то, что вышибало из «Красной нови». Это чрезвычайно меня удивляет. Мы знаем, что основное положение марксизма — разбирать каждое явление, в том числе и литературу, в его непосредственной обстановке сегодняшнего дня, а не с точки зрения индивидуального учения в этом вопросе. Поэтому мы говорим:

Когда ж
 прорвемся сквозь заставы
 и праздник будет за болью боя,—
 мы
 все украшенья
 расставим заставим —
 любите любое! ⁴

Здесь может быть с ВАППом тактическая только разница. Но нечего говорить о разбивании лбов — это бестактность по отношению к советскому поэту.

Но дело не столько в этом, сколько в подоплеке теоретической, в воронщине.

Мне нравятся, что товарищ Канатчиков связался так красиво с товарищем Эфросом ⁵. Он уже говорит, что некоторые писатели напяливают на себя революционную тогу, которая выгодна. Где эта выгода, товарищи? Посмотрите... Где уж нам уж вас переплывать?.. Никакой выгоды в этом нет писателю, кроме выгоды чести быть в рядах людей, строящих социализм. Нет и быть не может. И эту выгоду мы напяливаем не для вашего удовольствия и не для своего, а потому, что думаем, что это так и есть.

Вы ⁶ говорите о кривых, которые вас свели с Эфросом. Правда, вы говорите, что есть разные кривые — которые введут к социализму и которые не введут. Общность их только в том, что на них строится одинаковый расчет: «кривая вывезет». Вот ваш расчет, где вы 20—30% оставляете на... исследование умов, а всё остальное на интуицию и проч. Это гимназические разговоры. Правда, вы сами себя выставляете как начинающего, и с этим полемизировать не будем. Природная скромность в данном случае восторжествовала ⁷.

Теперь последний вопрос, товарищи, — относительно массовости. Я не знаю, как для других, но меня этот вопрос съедает.

В принципе душой, телом и мозгом я за массовость. Ни разу только я не встречал во всех редакциях, при самых противоположных точках зрения, чтобы меня крыли с точки зрения своей, все хвалят от имени массы, ругают тоже от имени массы. И любой интригантиска любой мне приговор произносит от имени той же массы. На чем вы сейчас базируетесь, что должно признать массовым? Базируются на распространении — эту лакмусовую бумажку у нас знают, а «не учитывают?», что покупательские способности сосредоточены не в массах рабочих, что многие произведения распространяются в салонах и спальнях крупных советских чиновников. Второе — чтение в библиотеках. Но мы знаем, что выбор чтения там зачастую тормозится библиотечарским составом. Я неоднократно ⁸ приводил примеры Путиловского и других заводов. 150-миллионная масса недостаточно культурна, ее нужно сто раз переделывать, переучивать, и разговор о массе, выдвигаемой просто редактором, — это насмешка над нашей культурной революцией.

Ведь, кроме вопроса о массовой художественной литературе, есть вопрос об инженерной литературе, ведь есть вопрос о литературе, которая дает возможность применять ее практически.

Вот мы сейчас выделяем поэта Велемира Хлебникова. Одинокие усилия его товарищей, которые хотели его (*пропуск в стенограмме*), кончались неудачами. А вы хотите это в принцип возвести. Нельзя этого делать ⁹. А единственный способ — мерило нужности вещи. Нужно придумать, найти способ исследовать массовость вещи, единственный способ — нужность этой вещи. Вопрос о массовости для нас ясен. Мы должны быть писателями массы. Но вопрос этот товарищ Канатчиков вульгаризирует, как вульгаризирует и марксизм.

МАЯКОВСКИЙ ВО ДВОРЕ ДОМА № 15 В ГЕНДРИКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ
(ТЕПЕРЬ ПЕРЕУЛОК МАЯКОВСКОГО) В МОСКВЕ, ИЮНЬ 1926 г.

Фотография А. М. Родченко

Рядом с Маяковским В. Б. Шкловский (сидит) и А. М. Родченко

Собрание В. Ф. Степановой, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. И. Канатчиков, работник отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), выступил непосредственно после первого выступления Маяковского.

² По-видимому, эти слова Маяковского записаны стенографисткой неправильно и относятся не к Керженцеву, а к Канатчикову, который говорил, полемизируя с Маяковским: «Владимир Владимирович сказал, что пролетарская литература должна быть тенденциозной <...> Маркс никогда не говорил этого, товарищи, — того, что здесь заявлял Маяковский <...> Что такое „тенденциозность“? Это извращение истины в угоду каким-нибудь интересам...».

³ См. прим. 3 к выступлениям на диспуте «Леф или блеф?», стр. 68.

⁴ Стихотворение Маяковского «Той стороне» (II, 22).

⁵ Речь А. М. Эфроса предшествовала первому выступлению Маяковского на этом собрании.

⁶ Это, очевидно, относится к А. А. Фадееву, взявшему слово перед вторым выступлением Маяковского. Фадеев говорил: «Товарищ Эфрос правильно сказал, по-моему, в той части, когда он говорил, что художник отображает не путем прямым, механическим, а что связь художника с действительностью — это зачастую путь кривой. Но он почему-то не сказал о том, что не все кривые пути ведут обязательно к той цели, которая нам нужна».

⁷ Фадеев упомянул о «своей писательской молодости...».

⁸ В частности, в статье «Вас не понимают рабочие и крестьяне» (см. ПСС 1939, т. X, стр. 295).

⁹ В заключительном слове П. М. Керженцев сказал: «Гут нужно разъяснить следующее недоразумение <...> будто бы мы, говоря о массовой литературе, о литературе для масс, считаем, что те литературные произведения, которые недоступны широким массам, не имеют права на существование. Это неверно. Пример, который приводил товарищ Маяковский о Хлебникове, — это удачный пример. Конечно, мы абсолютно допускаем и считаем необходимым такое художественное произведение, которое, может быть, абсолютно в данный момент широким массам недоступно, но которое по своему внутреннему качеству, идеологическому или художественному, как-то обогащает литературное творчество. Это произведение Хлебникова определенно имело влияние на развитие нашего стиха» (о каком произведении Хлебникова здесь идет речь, неизвестно).